

Д. М. ГРИНИШИН

ВАЖНЫЕ ПОПОЛНЕНИЯ СОВЕТСКОЙ КАНТОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Марксистско-ленинская философия есть единственное философское направление, развивающее и защищающее ныне прогрессивные идеи и тенденции философии И. Канта, ибо наша философия является творческим наследником всей прошлой прогрессивной мысли. Философы-марксисты, и в частности философы советские, проделали большую работу по исследованию, разработке и пропаганде теоретического наследия И. Канта. Только за последние годы из печати вышли книги известных советских кантоведов В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, И. С. Нарского, Т. И. Ойзермана и др. Вышел также коллективный труд видных советских кантоведов «Философия Канта и современность» под редакцией члена-корреспондента АН СССР Т. И. Ойзермана, книга профессора И. С. Нарского «Западноевропейская философия XIX века», в которой одна треть содержания отведена анализу философии И. Канта, коллективный труд под редакцией А. С. Богомолова «Кант и кантианцы», коллективный труд «История диалектики. Немецкая классическая философия»¹ и др.

Определенный вклад в развитие советского кантоведения внесли калининградские философы, создавшие на родине Канта постоянно действующий научный центр кантоведения. Этот факт является ныне широко признанным². По инициативе кафедры философии издано пять «Кантовских сборников», где авторами выступают в творческом содружестве как опытные, так и начинающие кантоведы. Значительную роль в становлении Калининградского кантоведческого научного центра сыграла деятельность профессора АОН при ЦК КПСС И. С. Нарского, который принимал активное участие в Кантовских чтениях и сборниках.

В ряду обстоятельных работ о Канте, вышедших за последние годы, стоит также монография калининградского философа Л. А. Калининкова³. Сразу же заметим, что хотя о Канте написано много разнообразных книг и статей, но тема, разработкой которой занялся Л. А. Калининков, исследована пока как в советской, так и в зарубежной литературе, довольно слабо. Он впервые в систематизированном виде дал детальный анализ философско-исторических идей И. Канта и показал их место в системе критической философии. Он рассмотрел именно фи-

лософские взгляды Канта на исторический процесс, прояснив Кантово понимание человека, общества и истории.

Большой интерес представляет в книге Л. А. Калининкова анализ идей И. Канта о предполагаемом начале истории человечества, рассмотрение Кантовой попытки периодизации истории и взглядов мыслителя на закономерности и движущие силы развития общества. Оригинально рассмотрены футурологические идеи Канта, представлявшего себе будущее общества как гармоническое состояние, в котором будет жить разумный и свободный человек. Недаром Энгельс называл Канта в числе теоретических предшественников марксизма.

* * *

В 1979 году из печати вышли два исследования известного ереванского историка философии Л. А. Абрамяна⁴. Уже сама тематика книг вызывает немалый интерес, ибо природа знания, его происхождение и расширенное воспроизводство, его структура, уровни и функции привлекали и привлекают к себе большое внимание современных ученых.

Книга «Кант и проблема знания» — основная из двух названных как по широкому кругу исследуемых в ней вопросов, так и по своему объему — 253 страницы. Работу «Кантова философия математики» можно считать важным дополнением первой книги.

В книге «Кант и проблема знания» автор исходит из того, что обоснование знания — это центральная проблема гносеологии Канта. В первой главе очерчено общее представление Канта о знании как результате специфического соединения пассивного содержания и активных форм, материала чувственности и структур созерцания и рассудка, причем познание, по Канту, существенно отличается от мышления. Мышление, по Канту, аналитично, а познание — синтетично. Анализ проблемы аналитического и синтетического у Канта, продолженный во второй главе, интересен и поучителен. В ней подробно анализируется кантовское понимание познания, мышления и знания о реальном существовании. Автор показывает здесь, что Кант, разделяя взгляды мыслителей XVII—XVIII веков насчет того, что знание, полученное из опыта, не может быть ни всеобщим, ни необходимым, в определенном смысле, как считал и Ф. Энгельс⁵, был прав. Здесь же и частично в четвертой главе Л. А. Абрамян скрупулезно исследует точки соприкосновения и различия между гносеологией Канта и Юма (см. А, 122).

Кантово обоснование знания о природе включало в себя анализ проблемы в аспекте формы и в аспекте содержания, однако в теории априорного знания в центре внимания у него находилось исследование естествознания в одном определенном плане — с точки зрения его формы. Раскрытию проблемы по-

священа третья глава книги. Автор выявляет положительные моменты (или предпосылки) кантовской постановки проблемы априорности и логического «предшествования» начал познания и метко выявляет черты собственно рассудочной априорности (см., например, А, 149); рассматривает понятие природы у Канта и в каком смысле «чистое естествознание» предшествует эмпирическому познанию природы. Автор книги прав, когда утверждает, что «Кантова философия естествознания представляет собой не что иное, как последовательный ответ на вопрос: «Какими должны быть законы природы, чтобы она могла быть познаваемой?» (А, 161).

Критический анализ взглядов Канта, относящихся к философским проблемам математики, дается в книге «Кантова философия математики». Работа заслуживает высокой оценки.

Известно, что вопрос: «Как возможна чистая математика? — был для Канта первым среди четырех его главных философских вопросов. Согласно кантовскому замыслу, математика и естествознание нуждаются в гносеологическом исследовании не только в своих собственных интересах, но и в интересах другой науки, а именно, метафизики (философии). Для Канта философия математики послужила даже своего рода пропедевтикой в изучении собственно философской проблематики, ибо математика для него явилась как бы эталоном научного знания (см. 4(1), 117—118). Напомним, что Кант писал: «Философское познание есть познание разумом посредством понятий, а математическое есть познание посредством конструирования понятий» (3, 600).

Л. А. Абрамян тщательно исследует вопрос о месте кантовской философии математики в его общей философской концепции, отмечая, что при всей своей исторической ограниченности, она представляет для нас не только чисто исторический интерес; в ней содержится много идей, которые сохраняют свое значение, если не в непосредственно познавательном, то в эвристическом плане. Читатель найдет здесь много для себя познавательного, прежде всего в плане выяснения того, что структура математики, по Канту, включает в себя и чувственную интуицию, и синтезирующую конструкцию, и аналитические моменты, что впоследствии в одностороннем виде было схвачено порознь интуиционизмом, конструктивизмом и аналитическим направлением в трактовке основ математики.

Но возвратимся к книге «Кант и проблема знания». Ее четвертая глава называется «Обоснование [естественнонаучного знания] по содержанию и «вещь в себе».

Вот уже почти два столетия ведутся дискуссии вокруг теоретического наследия Канта, но больше всего разногласий и споров связано, пожалуй, с кантовскими понятиями «вещь в себе» и «ноумен». Совсем недавно спор по вопросу трактовки этих понятий и их взаимоотношений возник вновь на вторых

всесоюзных Кантовских чтениях в Калининградском государственном университете, и в этом споре принимали участие доктора наук Л. А. Абрамян, И. С. Нарский, Е. П. Ситковский, кандидат наук В. А. Жучков и др. Материалы этой дискуссии опубликованы в третьем и частично в четвертом «Кантовских сборниках»⁶. Обычно констатируется многозначность термина «вещь в себе» у Канта. Как уже отмечалось в нашей печати, интересную классификацию значений понятия «вещь в себе» в философии Канта предложил профессор И. С. Нарский, выделив четыре основных значения⁷.

В рецензируемой книге правильно и всесторонне раскрывается общий агностический характер гносеологии Канта и в общем верно характеризуется учение о «вещи в себе». Но мы хотели бы подчеркнуть, что поскольку «вещь в себе», по Канту, непознаваема, то ей во всех ее значениях соответствуют ноумены, как это подчеркивают И. С. Нарский и Е. П. Ситковский⁸.

Л. А. Абрамян прав, полагая, что негативное значение агностицизма Канта в некоторой мере, хотя и далеко не полностью, нейтрализуется тем, что его учение о непознаваемости «вещи в себе» не препятствует истинно безграничному познанию природы как «эмпирической реальности». Когда в естествознании нам что-либо не удается должным образом объяснить, то, предостерегает Кант, «мы не имеем права сваливать вину на скрытую от нас «вещь в себе» (З, 445). Имея в виду эту особенность кантовского агностицизма, Энгельс писал: «Действительно, что такое агностицизм, как не «стыдливый... материализм? Взгляд агностика на природу насквозь материалистичен»⁹.

Значительный интерес представляет пятая глава, в которой автор рассматривает взгляды Канта на прежнюю метафизику и на природу связи между антиномиями и «вещами в себе». Известно, что, согласно Канту, новая метафизика возможна, прежде всего, как критика, как критическая гносеология и как философское учение о методе. В плане критики метода старой метафизики за его односторонность Кантов анализ антиномий чистого разума представляет особый интерес, который не сводится к выявлению положительных результатов, полученных в диалектике процесса познания. Критика Кантом метафизики сыграла объективно значительную роль как в выявлении глубоких изъянов метафизического способа мышления, так и в позитивной подготовке диалектики классического немецкого идеализма, что и было высоко оценено Ф. Энгельсом.

В заключении книги «Кант и проблема знания» автор рассматривает вопрос о пресловутой социально-политической «нейтральности» кантовского философского учения. Решение вопроса о социальной направленности философии И. Канта афористично сформулировал К. Маркс: «...Философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции...»¹⁰, поскольку в философии Канта в абстрактном

виде нашли свое отражение идеалы французской буржуазной революции XVIII века. Действительно, Кант выступал против отсталых, феодальных форм общественной жизни (сословные наследственные различия, привилегии и т. д.), симпатизировал идее республиканского устройства государства в форме представительной парламентарной республики. Идейная направленность его философского учения, как показывает Л. А. Абрамян, в целом также была прогрессивной, ибо она была нацелена против обветшалой метафизики и еще более обветшалой «рациональной теологии» — мнимых учений, лишенных научно-теоретического обоснования и значения. Как отмечает автор (см. А., 251), Кант впервые в истории философии построил теорию научного знания как особую систему гносеологических понятий, описывающих и объясняющих структуру знания. Тем самым Кант содействовал освобождению знания от религиозных и теологических пут. Даже Гегель полагал, что защита «рациональной теологии» после Канта более уже не возможна¹¹, а Гейне по поводу «Критики чистого разума» говорил, что это был «меч, отрубивший в Германии голову деизму»¹². Б. Э. Быховский и И. С. Нарский убедительно показали наличие антирелигиозных моментов в философии Канта¹³.

Но, разумеется, нельзя забывать и тех оценок Канта Марксом и Энгельсом, а также В. И. Лениным, в которых шла речь о непоследовательностях и компромиссном характере его философии. «В немецкой философии от Канта до Гегеля, — писал Ф. Энгельс, — отразился немецкий обыватель — то в позитивном, то в негативном смысле»¹⁴. Абрамян, разумеется, не упускает из вида эти моменты.

В книге «Кант и проблема знания» все же имеются отдельные упущения и неточности. Прежде всего, в трактовке «вещи в себе» не со всем можно согласиться (частично этого вопроса мы касались ранее). Автор пишет, что для того, чтобы понятие о «вещи в себе» не смешать с понятием о явлении, мы должны в нем мыслить только то, что вещь существует сама по себе, независимо от формы чувственности и рассудка. Рациональный смысл этой кантовской постановки вопроса состоит в том, что понятие о мире вещей самих по себе предполагает единственное свойство — быть объективной реальностью, существовать независимо от форм нашего сознания (см. А., 188). Но разве Кант был близок к понятию материи как объективной реальности? (см. А., 141). Мы убеждены, что нет.

Нельзя признать бесспорным такое сближение Локка и Лейбница в вопросе о «вечных истинах» разума, которое мы встречаем на стр. 30 и стр. 100 рецензируемой книги, а также взгляд на процесс познания у Канта не как на конструирование, а как на «воспроизведение» (см. А., 47, 169). Автор считает кантовские «суждения восприятия» (см. А., 116—117) «целиком и полностью» апостериорными. Но следует ли забывать

о наличии в них априорных моментов в смысле пространства и времени? Весьма спорно обособление автором (см. А., с. 186) кантовского понятия объективности от понятий всеобщности и необходимости. Напрасно автор столь поспешно хоронит всякую «онтологию» (см. А., 142, 252): ведь и сам же он на стр. 234 признает значимость философских положений о мире в целом, хотя тут же почему-то отрицает применимость их к отдельным сферам бытия. Не ясно, кроме того, почему трансцендентальное применение категорий Кант считал всего лишь «оплошностью» (см. А., 222). Не вполне точным представляется нам употребление термина «апостериорный» в применении к содержанию опыта (см. А., 108). Но все это лишь частные замечания, они отнюдь не могут перечеркнуть или хотя бы ослабить нашу общую высокую оценку книги Л. А. Абрамяна о проблеме знания у Канта.

* * *

Мы уже отмечали выход книги Г. В. Тевзадзе о Канте на грузинском языке в 1974 г. Теперь мы имеет этот большой труд в авторизованном переводе на русский язык¹⁵.

Уже в предисловии автор отмечает большой и давнишний интерес к философии Канта в Грузии. Этот интерес нарастал в связи с 200-летием со дня рождения И. Канта и особенно в связи с 250-летним юбилеем великого немецкого мыслителя в 1974 г. Известные грузинские философы К. Бакрадзе, А. Бочоришвили, С. Данелия, М. Гогиберидзе, С. Церетели известны как авторы ценных исследований по различным проблемам кантовской философии. Отмеченная книга Г. В. Тевзадзе является новым значительным вкладом в советское кантоведение.

Развивая свои ответы на известные четыре вопроса о задачах философствования, Кант тем самым шел к решению общего вопроса о сущности человека, его возможностях и смысле жизни. Предшествующая философия в принципе не могла дать верного ответа на указанные вопросы, и Тевзадзе замечает, что «борьбу философских систем Кант считает доказательством ложности традиционной философии» (см. Т., 17).

Проф. Г. В. Тевзадзе убедительно показал, что Кант действительно создал философию, имеющую непреходящее значение. Его творческие концепции определили дальнейшее развитие философской мысли к марксизму не только «через» Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха, но в некоторых отношениях и непосредственно. Это объясняется глубоким проникновением Канта в сущность ряда философских, в особенности гносеологических, проблем. «Критику чистого разума», пишет Тевзадзе в первой главе книги, следует считать одной из самых серьезных попыток в домарксистской философии обосновать возможности познания (см. Т., 20).

Через построение предмета познания в самом познании и в процессе познания Кант стремился показать, что вещь в себе как абсолютная объективная реальность не есть, не может быть и не должна стать предметом теоретического познания человека как конечного существа. Но это же самое положение, как затем оказывается, является исходным пунктом определения возможности обоснования всеобщности и необходимости, — обоснования, корнящегося в субъекте и направленного на материал его чувственности, поднимаемый затем, так сказать, на рациональные «этажи».

В главе «Мышление и познание» автор хорошо раскрывает кантовское понимание познания и принципиальное отличие последнего как априорного от просто непротиворечивого. Важно подчеркнуть, что аналогичное различие, по Канту, существует и между логикой и теорией познания. С подобным дуализмом мышления и познания тесно связан и далеко ему не тождествен дуализм явления и «вещи в себе». Почти все значительные вопросы, кроме онтологического, Кант рассматривал с этой точки зрения. Например, как отмечает автор, введенное Кантом отличие философии как мировоззрения от философии как науки также находится в связи с различием мышления и познания. Автор прав, утверждая в своих выводах, что Кантово отрицание научного мировоззрения оказалось весьма жизнеспособным в последующей буржуазной философии (см. Т., 40).

Считая, что познание есть установление необходимых и всеобщих суждений, Кант должен был доказать наличие необходимой структуры как у нашей чувственной, так и у рациональной способностей для установления этих суждений как априорных. Автор широко рассматривает далее природу аналитических и синтетических суждений, выясняя в деталях Кантово понимание априоризма и рационализма, смысла времени, пространства и опыта. Проф. Г. В. Тевзадзе дает тщательный анализ понятий трансцендентального и трансцендентного как в их непосредственном, так и в смещенном смысле. Рассмотрение этих вопросов составляет содержание второй, третьей и четвертой глав книги Г. В. Тевзадзе.

Пятая глава посвящена рассмотрению учения Канта о системе категорий. Автор метко замечает, что с «философии Канта начинается новый этап в истории разработки понятия системности» (см. Т., 127) в смысле строгой научности. Система выступает у Канта как путеводная нить и критерий в исследовании категорий, причем система категорий, по выражению автора, «является источником, который взрастил немецкий классический идеализм» (см. Т., 159). Убедительно и скрупулезно объясняет проф. Г. В. Тевзадзе такие сложные и нелегкие вопросы философии Канта, как понятие трансцендентальной апперцепции и ее структуры, а также рост схематизма четырех рассудочных понятий, смысл так называемого фи-

гурного синтеза и функции системы основоположений чистого рассудка (вообще у Канта мы найдем более двадцати видов синтеза). Этим вопросам посвящены шестая, седьмая и восьмая главы. Язык этих глав точен, формулировки строги и однозначны, как, впрочем, и в других главах рецензируемого труда.

Как отмечает автор, каждое основоположение чистого рассудка «представляет собой конкретный ответ на главный вопрос «Критики» чистого разума» — как возможны априорные синтетические суждения? Эти основоположения «строго определили границы области эмпирической действительности, т. е. опыта как предмета (добавим к этому; а также как результата. — Д. Г.) нашего теоретического познания» (Т., 249). Автор считает «квинтэссенцией всего исследования Канта» (Т., 214) его положение о том, что возможность априорных синтетических суждений в науке полагается как отнесение формальных условий априорного созерцания, синтеза воображения и его единства и трансцендентальной апперцепции вообще к возможному опытному знанию. С этим прямо связано то, что Кант постулирует тождество условий возможности опыта с условиями возможности предметов опыта. Однако глава о системах основоположений чистого рассудка проясняет читателю не все. Вопрос о том, насколько удалось Канту осуществление поставленной им задачи, мог бы быть рассмотрен более полно (см. в этой связи: Т., 255—256).

Анализу трансцендентальной диалектики Канта посвящены девятая и десятая, а в значительной мере и последняя, одиннадцатая, главы книги Г. В. Тевзадзе. Подробно разбираются антиномии космологической идеи и вся проблематика теологической идеи чистого разума, после чего автор разбирает Кантово обоснование этики и науки о прекрасном. В заключении к исследованию автор отмечает, что хотя Кант поставил по-настоящему диалектическую проблему соединения эмпирического и рационального через их предварительное взаиморазмежевание, решить ее он в силу своего дуализма и агностицизма не смог. Не смог он и убедительно обосновать свой тезис о том, что человек должен и может быть творцом своего собственного счастья (см. Т., 338—339). Расколов саму философию на две — философию как теорию априорно конструирующего познания мира феноменов и философию как мировоззрение — веру в отношении мира ноуменов, Кант тем самым вместо опровержения скептицизма и обеспечения свободы для деятельности человека «обесценил» истину и свободу. Разрыв между созерцанием и мышлением, теорией и практикой, знанием и ценностью, явлением и вещью в себе оказался у Канта не только этапом на пути к их высшему синтезу, но, вопреки его собственным мечтаниям, также и окончательным финалом. Весьма глубоко замечание Тевзадзе, что послекантовская идеалистическая фило-

софия в Германии в поисках средств преодоления всех этих видов принципиального «разрыва» пришла в лице Гегеля к своеобразному возрождению «предустановленной гармонии» Лейбница, отвергнутой в свое время Кантом — задача преодоления этого «разрыва» разрешена только философией диалектического и исторического материализма.

В рецензируемом сочинении имеются некоторые, в общем, весьма небольшие недостатки. На стр. 250, например, не совсем ясно изложено соотношение между характеристиками ноумена как проблематического и как демаркационного понятий. На стр. 336 утверждается, что «Кант не был знаком с новым искусством», что звучит недостаточно определенно.

Отметим еще две представляющие интерес новые книги. Одна из них — автор ее А. П. Скрипник — «Категорический императив Иммануила Канта»¹⁶. Это небольшой по объему монографический труд, в котором автор анализирует важнейшую часть практической философии Канта — его учение о категорическом императиве, определяет место этической теории Канта в историческом развитии морали и этических учений; дает вместе с тем общую характеристику основных категорий этики Канта и логическую структуру категорического императива, выясняет природу нравственного законодательства.

Автор анализирует интерпретации этических идей Канта в кантианстве, подвергая критике представителей марбургской и баденской школ.

Заслуживает одобрения то, что автор использовал достижения логического анализа, проведенного специалистами в области модальных логик за последние десятилетия.

В книге Д. Фельдмана и Ю. Баскина анализируются основные аспекты учения Канта и Гегеля о международном праве, о войне и мире. Первый раздел, принадлежащий перу Ю. Я. Баскина «Учение Канта о международном праве и вечном мире», подробно излагает известную точку зрения Канта по вопросам права, войны и мира. В этом же разделе дается анализ взглядов и проектов предотвращения и устранения войны из жизни общества предшественников и последователей Канта.

Интерес представляет интерпретация Д. И. Фельдманом взглядов Гегеля на вопросы войны и мира. В книге делается попытка опровергнуть до сих пор все еще распространенное в печати мнение о том, что Гегель был апологетом войны. Надо признать, что, хотя взгляды Гегеля на войну менялись, его концепция войны оставляет довольно широкий простор для апелляции к ней при оправдании как справедливых, так и несправедливых войн. Анализ этого вопроса интересен, но не завершен. Книга, как справедливо замечают сами авторы, может послужить поводом к более широкому и всестороннему анализу проблемы.

В коллективном труде «История диалектики. Немецкая классическая философия» имеется глава «И. Кант». Она написана проф. А. С. Богомоловым. В этой главе удачно рассмотрены диалектические идеи натурфилософских работ Канта до критического периода, «негативная диалектика» антиномий чистого разума и антиномий в других частях кантовской системы, а также диалектика идеи синтеза. Освещена диалектика общественной жизни согласно учению Канта об антагонизмах среди людей.

Таким образом, советская кантиана к 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума» пополнилась новыми солидными исследованиями, призванными расширить и углубить наши представления о различных сторонах философских исканий выдающегося немецкого мыслителя.

¹ См.: Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 1973; Гулыга А. В. Кант. М., 1978; Нарский И. С. Кант. М., 1976; Ойзерман Т. И. Философия Канта. М., 1974; Его же. Диалектический материализм и история философии. М., 1979; Тевзадзе Г. В. Иммануил Кант. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.); Философия Канта и современность. М., 1974; Нарский И. С. Западноевропейская философия XIX века. М., 1976; Кант и кантианцы. М., 1978; История диалектики. Немецкая классическая философия. М., 1978.

² Андреева И. С. Рец. на кн.: Вопросы теоретического наследия И. Канта. Калининград, 1978, вып. 3. — Философские науки, 1980, № 1, с. 187.

³ См.: Калининников Л. А. Проблемы философии истории в системе Канта. Л., 1978.

⁴ См.: Абрамян Л. А. Кант и проблема знания. Ереван, 1979; Его же. Кантова философия математики. Старые и новые споры. Ереван, 1978. Далее ссылки на работу «Кант и проблема знания» см. в тексте в круглых скобках. — А. — Абрамян, цифра — страница, напр. (А., 122).

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2, с. 141.

⁶ См.: Вопросы теоретического наследия И. Канта. Калининград, 1978, вып. 3; 1979, вып. 4.

⁷ См. оценку этой классификации: Философские науки, 1979, № 2, с. 153.

⁸ См.: Нарский И. С. Методологические проблемы социального анализа у Канта. — Вопросы теоретического наследия И. Канта. Калининград, 1977, вып. 2; Его же. Проблема противоречий в мышлении. — Вопросы теоретического наследия И. Канта. Калининград, 1978, вып. 3.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32, с. 302.

¹⁰ Там же, т. 1, с. 88.

¹¹ См.: Гегель. Философия религии в двух томах, т. 1. М., 1976, с. 227—228.

¹² Гейне Г. Собр. соч. в десяти томах, т. 6. Л.—М., 1958, с. 96.

¹³ См.: Быховский Б. Э. Религия перед судом разума. (К 250-летию со дня рождения И. Канта). — Вопросы научного атеизма. М., 1975, вып. 17.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37, с. 419.

¹⁵ Тевзадзе Г. Иммануил Кант. Проблемы теоретической философии. Тбилиси, 1979, с. 367. Далее ссылки на эту работу см. в тексте в скобках — Т. — Тевзадзе, цифра — страница.

¹⁶ Скрипник А. П. Категорический императив Иммануила Канта. М., 1978, с. 188.

¹⁷ Фельдман Д. И., Баскин Ю. Я. Учение Канта и Гегеля о международном праве и современность. Казань, 1977, с. 127.